Перевод с исландского
Ольги Маркеловой

УДК 821.113.3(491.1)
ББК 84(4Исл)-44
Х36

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Хельгасон, Хатльгрим.
Женщина при 1000 °С : роман /Хатльгрим Хельгасон ; пер. с исланд.
О. Маркело вой. — Москва : АСТ: CORPUS, 2015. — 574, [2] с.

ISBN 978-5-17-085506-3

“Женщина при 1000 °С” — это история жизни нескольких поколений, счастья и драм их детства, юношества, их семейных и личных радостей и трагедий.
Это история нескольких европейских народов, рассказанная от лица женщины, которая и в старости говорит и чувствует, словно потрясенный подросток. Вплетенная в миро-вую исландская история XX века предстает перед читателем ошеломляющим триллером; язык повествования, в котором остроумие, чувства и отказ от табу составляют ярчайший авторский стиль и рождают выдающийся женский образ.
“Женщина при 1000 °С” Хатльгрима Хельгасона — его новый бестселлер, который при-знан в большинстве стран Европы одним из главных открытий 2013 года.

УДК 821.113.3(491.1)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085506-3

© Hallgrímur Helgason, 2011
© О. Маркелова, перевод на русский язык, 2015
© О. Маркелова, послесловие, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Х36

“Женщина при 1000 °С” — художественное произведение. В той или иной степени, в нем затрагиваются реально происходившие собы-тия и реально жившие люди. Однако сама эта история — художе-ственный вымысел. Персонажи: Ханс Хенрик, Гвюдрун Марсибиль и Хербьёрг Марья — ненастоящие, они — герои романа. Автор про-сит читателей проявить уважение к их прототипам и не смешивать их реальную биографию с той судьбой, которую придумал им он. Рассказ про то, как все было на самом деле, — это историография. Художественная литература — это выдуманный рассказ.

Хатльгрим Хельгасон

9

1

1929 год выпуска 2009

Я живу здесь одна: в гараже, оборудованном под жилье, вместе с портативным ноутбуком и старой ручной гра-натой. Здесь уютно. Моя кровать — больничная койка, а в других предметах мебели я не нуждаюсь. Кроме унитаза, только вот пользоваться им — сущая мука. До него слиш-ком далеко добираться: сперва вперед, на длину кровати, а потом на такое же расстояние в угол. Я называю этот путь Via Dolorosa1

, и его мне приходится проделывать по мень-

шей мере трижды в день: я ковыляю по нему, как страдаю-щее ревматизмом привидение. Я мечтаю, что мне пришлют сюда “судно”, но моя заявка застряла где-то в бюрократиче-ской трясине. Сейчас везде какой-то затык.
Окон здесь маловато, но на экране ноутбука мне виден весь мир. Приходят и отправляются сообщения, а “Фейс-бук” тянется, словно сама жизнь. Тают ледники, очерня-
ются президенты, люди оплакивают свои машины и дома,

а будущее ждет нас возле багажной ленты — у него рас-косые глаза и улыбка до ушей. О да, я смотрю на все это с белой койки. Я лежу тут, как ненужный труп, и жду то ли смерти, то ли того, что она принесет мне порцию, которая

продлит мне жизнь.Они навещают меня дважды в день — эти девчонки из Службы быта г. Рейкьявика. По утрам де-журит красавица, а по вечерам — крокодилица; у послед-

1 Крестный путь (итал.).

10

хатльгрим хельгасон

ней руки холодные, дыхание несвежее, и пепельницы она вытряхивает машинальным движением.

А если я отложу “окно в мир”, выключу лампу над голо-вой и позволю осеннему мраку заполнить собой гараж, то из маленького окошка высоко в стене я увижу знаменитую

Колонну мира1

. Ведь покойный Леннон превратился в столб
света в Исландии, подобно лесному богу в поэме Овидия, и долгими ночами освещает темный пролив. Его вдова была так любезна, что поставила мемориал прямо у меня перед глазами. Да, у погасшего пламени дремать приятно. Можно сказать, что в этом гараже я прозябаю, будто старый, отслуживший свое автомобиль. Однажды я поде-лилась этим наблюдением с Гейи (Гейи и Доура — это су-пруги, которые сдали мне этот гараж за 65 тысяч крон в ме-сяц2

). В ответ милый Гвюдйоун3

рассмеялся и обозвал меня
“Олдсмобиль”. Я — скорее в Интернет: нашла там фото-графию “Олдсмобиль Викинг” 1929 года выпуска. Сказать по правде, мне и в голову не приходило, что я уже такая

старая. Автомобиль был похож на слегка усовершенство-ванную гужевую повозку.

Я восемь лет пролежала в этом гараже, прикованная
к постели из-за отека легких, который мучил меня в три раза дольше. Я едва способна повернуть голову, потому что при малейшем движении у меня перехватывает дыхание, и я начинаю задыхаться; а это довольно-таки неприятное

ощущение или, как говорили в старину, “кошмар непогре-бенных”. Это у меня из-за курения. Я только и знала, что сосать сигареты с самой весны 1945 года, когда это роско-

1 Колонна мира (англ. Imagine Peace Tower) — работа Йоко Оно, по-
священная памяти Джона Леннона. Воздвигнута на острове Видэй
в Котлафьорде недалеко от Рейкьявика. Представляет собой невысокое круглое сооружение, украшенное цитатами из песни “Imagine” на раз-личных языках; внутри него находятся прожектора, которые зажигаются

в день рождения Дж. Леннона и гасятся в день его смерти; световой столб бывает хорошо виден из некоторых районов Рейкьявика.
2 Около 20 тысяч рублей.
3 Гейи — уменьшительное от имени Гвюдйоун.

11

женщина при 1000 °с

шество предложил мне один бородавчатый швед. Огонек сигареты до сих пор дарит мне радость. Мне предлагали кислородные очки, с трубочками, которые засовываются в нос, но чтобы начать пользоваться этим баллончиком, мне пришлось бы бросить курить — “из-за пожароопас-ности”. То есть мне приходится выбирать одного из двух господ: либо русского по фамилии Никотин, либо англи-чанина — лорда Оксигена. Выбор очевиден.
Пока что я дышу как паровоз, а походы до унитаза продолжают каждый день доставлять мне муки. Но ма-лютка Лова входит туда с удовольствием, и я радуюсь чи-стому звуку молодой струи. Лова — моя помощница. У нас на островах Свепнэйар1

была небольшая пещерка по про-
званию Мальчишечья, ее веками использовали как мужской туалет. А дорога туда называлась “Ярлов склон”, и у нас было выражение “ярла возить”, означавшее “справлять ну-жду”. Вот такой у наших предков был юмор.
Ой, что-то я перескакиваю с одного на другое — и то одно, то другое заскакивает в меня. Когда у тебя за спи-ной целый Интернет событий, целый трюм дней, то очень сложно выбирать и рассортировывать воспоминания. Все смешивается в одну кашу. Я либо помню все разом, либо вообще ничего не помню.
Ах да, у них бедолаг, год назад в стране все обрушилось. Лопнул банк, и один обломок залетел прямо во двор к мо-ему Магги: такая мощная глыба — прямо в новую веранду, а в лобовое стекло — еще осколок. Хотя это, скорее всего, в переносном смысле. Санитарки и Доура говорят мне, что город как стоял, так и стоит. Рейкьявик не пострадал — не то что Берлин после падения; а по этому городу я, едва успевшая повзрослеть, бродила в конце войны. Уж не знаю, что хуже: если лопнет банк или терпение… Но я знаю, что

1 Архипелаг посреди Брейдафьорда (запад Исландии). Среди названий брейдафьордских хуторов и островков, упоминающихся далее в тексте романа, большая часть вымышлена.

12

хатльгрим хельгасон

из-за всех этих несчастий из моего Оболтуса вышла вся уве-ренность в себе, будто воздух из сдутого шарика; а к тому времени, когда его бывшая занялась кое-чем с другим чело-веком, у него почти никакой уверенности не осталось. Магги работал в “КБ-банке”: связывал свой курс на бирже с мерцанием огоньков на экране компьютера, с какой-то красной полоской, которую он однажды с гор-достью показал мне. Конечно, она была не лишена яркости, да и красива, как пламя в очаге, и такая же надежная, как зыбкий язычок пламени.

А для меня самой Кризис — сплошное удовольствие. Все хорошие годы я лежала, а жадины вокруг только и знали, что

обирать меня. Так что мне было не жалко смотреть, как они
погорели, потому что к тому времени деньги наконец пере-

стали меня волновать. Мы всю жизнь гробим на то, чтоб на-копить на достойную старость, а когда она наконец приходит, у нас уже не остается желания тратить деньги ни на что, кроме

приспособления, чтобы мочиться лежа. То есть, конечно, было бы неплохо снять немецкого мальчика, чтоб он стоял полуобнаженный при свечах и декламировал старой лежачей развалине стихи Шиллера, да у нас в стране всю торговлю те-лом уже запретили, так что не стоит и жалеть об этом.
У меня осталось всего лишь несколько недель, две ко-робки “Палл Мала”, один ноутбук, одна граната, и никогда мне не жилось лучше.

2

Feu de Сologne
2009

Граната — старое яйцо из гнезда Гитлера, которое перепало мне в последнюю мировую войну и с тех пор всюду со-провождало меня в плавании по житейскому морю, во всех моих браках, в горе и в гадости. Сейчас было бы в самый

13

женщина при 1000 °с

раз применить ее, но чека сломалась много лет назад, в не-

удачный день моей жизни. Конечно, это не очень приятная смерть, когда в твоих объятьях разражается огненная буря и тебе отрывает голову. И вдобавок после стольких лет я привязалась к моей ненаглядной лимонке. Будет обидно, если мои внуки не сподобятся увидеть ее — в виде наслед-ства в серебряной чаше.
Meine geliebte Handgranate1

прекрасна в своей обман-
чивости, хорошо ложится в руку и холодит вспотевшую ла-

донь железной скорлупой, наполненной умиротворением. В оружии интересно как раз это: хотя оно порой невыно-симо для тех, на кого направлено, своим владельцам оно

дарит покой. Однажды, много городов тому назад, я умуд-рилась забыть это “яйцо, в котором заключена моя жизнь”, в такси и не могла успокоиться, пока не получила его об-ратно после бесконечных безумных переговоров с таксо-парком. Таксист стоял на крыльце весьма сконфуженный, щурил свой мозг и спрашивал:
— Это ведь старинная граната?
— Нет, это ювелирное изделие. Яйца Фаберже знаешь?
Во всяком случае, я долго держала ее в шкатулке с укра-
шениями.

— Что это? — спросил Байринг с Западных фьордов од-
нажды по дороге в зал с колоннами.

— Это духи такие — Feu de Cologne.
— Ну? — переспросил моряк.
Мужчины хороши, если их использовать по назначе-
нию, но вот мозговитостью не отличаются.

А уж по вечерам, когда хулиганы так и норовят увя-заться за тобой до самого дома, знать, что у тебя в сумочке лежит граната, — совсем хорошо.

Сейчас она у меня на ночном столике, а может, среди грязного белья; я высиживаю немецкое железное яйцо, я —

1 Моя возлюбленная ручная граната (нем.).

14

хатльгрим хельгасон

послевоенная наседка, ждущая, что из него вылупится огонь.

Нашей стране это не помешает: она сейчас стала совсем без мозгов, при полном отсутствии насилия. Им всем будет полезно лишиться окон и стен в доме, услышать, как горит

живьем их ребенок, увидеть, как стреляют в спину их воз-любленным. Мне всегда было тяжело общаться с людьми, которым не приходилось перешагивать через мертвые тела.

Может, она взорвется, если я кину ее на пол? Мне кто-то когда-то говорил: “Гранаты любят каменные полы”. Да, было бы клево исчезнуть с громким “Бум!”, и чтобы клочки меня потом засыпали пыль и обломки. Но прежде чем я взорвусь, я хочу вспомнить свою жизнь.

3
Г-н Бьёрнссон
1929

Я родилась осенью 1929 года в железном сарае на Исафьорде. Тогда мне присобачили это странное имя — Хербьёрг Ма-рья, — которое было мне не к лицу, а самому себе и подавно. В нем смешались язычество и христианство, подобно воде и маслу; эти две сестры меня до сих пор спорят.

Мама хотела назвать меня в честь своей матери — Вер-бьёрг, — но бабушка и слышать об этом не желала: “Ну и куда ребенку с таким именем? В рыбацкий поселок, что ли?” По ее словам, жизнь рыбаков была “чистый ад”, и она бранила свою мать за то, что та назвала ее именем, заставляющим вспоминать о рыболовных вершах. Сама ба-бушка Вербьёрг выходила в море 17 сезонов: на Бьяртнэй-ар1

и Оддбьяртнскер, зимой, весной и осенью — “в самую наимерзопакостнейшую погоду, которую только выдумали в морском аду, а на суше порой бывало еще гаже!”.

1 Небольшой архипелаг в южной части Брейдафьорда.

15

женщина при 1000 °с

Однако отец в своем письме на Исафьорд предложил заменить “Вербьёрг” на “Хербьёрг”, а мама все-таки не на-столько ненавидела его, чтоб пренебречь этой идеей. А сама бы я лучше выбрала для себя имя прабабушки по материн-ской линии — великой Блоумэй Эфемии Бергсвейнсдоттир с Бьяртнэй. Она была единственной женщиной за всю исто-рию Исландии с таким именем, и лишь в двадцатом веке у нее появились две тезки, но она к тому времени уже полвека как была в могиле. Одна из этих тезок была ткачихой: ткала го-белены и жила далеко в сараюшке на Хетлисхейди. А другая Блоумэй ушла от нас в молодом возрасте, однако по-преж-нему живет на самом крайнем хуторе на Склоне Сознания и является мне порой на грани сна и яви. Из всех островов в Брейдафьорде мне очень долго нравился остров Блоумэй — Цветочный остров, — хотя его до сих пор не открыли. На самом деле людям надо давать имена как при ро-ждении, так и перед смертью. Пусть мы сами выберем себе имя, которое будет произнесено во время наших похорон и потом целую вечность будет начертано на могиле. Я так и вижу перед собой: “Блоумэй Хансдоттир (1929–2009)”. В те времена никто не носил двойные имена, но маме, умнице и красавице, перед моим рождением было видение: ей явилась ее крестная в горной ложбине на той стороне фьорда она сидела там на скальном уступе, и в ней было примерно 120 метров роста. Поэтому ее имя прибавили к моему, и это, разумеется, обеспечило ее покровительство. По крайней мере, я добралась до той вершины жизни, ка-кую представляет собой старость в постели.
Имя “Мария” смягчает суровость “Хербьёрг”; и вряд ли когда-либо вместе поселялись две более несхожие женщины: языческая дева Хербьёрг похерила свою невинность во имя ратных утех1

, а Дева Мария отдавала себя лишь Господу.

1 Значение компонентов имени “Хербьёрг”: her — “войско”, björg —
“спасение”.